

ЕРОФЕЕВА Мария Александровна / Maria EROFEEVA

Россия, Санкт-Петербург.  
Санкт-Петербургский государственный университет.  
Аспирант.Russia, St. Petersburg.  
Saint-Petersburg State University.  
Postgraduate student.[malutcacnos@gmail.com](mailto:malutcacnos@gmail.com)

## НАРРАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР НАУКИ И ЛЕГИТИМАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается роль нарратива в легитимации научного знания. С опорой на критику социологии науки Б. Латура автор производит реконструкцию того, как понимается содержание науки — научное знание (факт) в акторно-сетевой теории. Для того чтобы осуществить подобную реконструкцию, теоретическая логика Латура помещена в более широкий философско-культурологический контекст: состояние постмодерна, понимаемое как появление новых способов легитимации научного знания (Ж.-Ф. Лиотар). Одним из требований к знанию в постсовременную эпоху является его перформативность — критерий, обобщенно обозначающий практическую значимость научных результатов. В статье представлена попытка обнаружить, каким образом соотносятся лингвистический характер науки и эффективность ее достижений. Поиск ответа на этот вопрос автор начинает с анализа роли нарративов ученых в конструировании научного факта. Научное знание в акторно-сетевой теории представлено как многоуровневый процесс перевода реальности на транспортабельный язык науки. В этом процессе осуществляется как непосредственно получение знания, так и его легитимация, которая делает научное знание объективным. На основании этого автор пытается установить соответствие между предметным содержанием научной деятельности и ведением переговоров в процессе ее осуществления. В заключение приведены критические замечания и очерчены перспективы для решения поставленной проблемы.

**Ключевые слова:** нарратив, легитимация, социология науки, научное знание, акторно-сетевая теория, Б. Латур, Ж.-Ф. Лиотар, состояние постмодерна, перформативность, конструирование научных фактов, перевод, объективность, онтология

## The Narrative Nature of Science and Legitimization of Scientific Knowledge

The article touches upon the role of narrative in the legitimization of scientific knowledge. Starting with the criticism of B. Latour's sociology of science, the author reconstructs the way in which science-based content — scientific knowledge (fact) — is perceived in actor-network theory. In order to produce such a reconstruction, Latour's theoretical logic is situated within a broader philosophical and cultural context: the postmodern condition, understood as the appearance of new ways of legitimizing scientific knowledge (J.-F. Lyotard). One of the claims for knowledge under post-modernity is its "performativity" — the criterion designating the usefulness of scientific results in a general sense. The article attempts to discover the manner in which the linguistic nature of science is associated with the effectiveness of its results. Answering posed question, the author starts with the analysis of the academic narrative's role in the construction of scientific facts. Scientific knowledge in actor-network theory is represented as the multilevel process of the translation of reality into the transportable language of science. During this process both direct knowledge obtainment and its legitimization, which render scientific knowledge objective, take place. The author tries to set up a correspondence between the substantive content of scientific activity and the negotiation of its realization. In conclusion, censorious remarks and problem-solving perspectives are provided.

**Key words:** narrative, legitimization, sociology of science, scientific knowledge, actor-network theory, B. Latour, J.-F. Lyotard, postmodern condition, performativity, construction of scientific facts, translation, objectivity, ontology

Ученые строят объяснительные структуры,  
рассказывая истории...

П. Б. Медавар

В современной науке проблема языка стала ключевой. «Научное знание — это вид дискурса», — постулирует французский философ и социолог Ж.-Ф. Лиотар<sup>1</sup>. В частности, исследования лабораторной жизни Б. Латура представляют собой

анализ естественных наук как набора практик. Латур показывает, каким образом в лабораториях происходит «конструирование научных фактов»<sup>2</sup>. Производство знания похоже на судебный процесс — попытки договориться, что есть факт, а что заблуждение. Другими словами, наука представлена как лингвистический феномен. С обсуждением этого тезиса связана значительная доля критики социологии науки Латура. Например, О. Амстердамска в рецензии на работу «Наука в действии»

<sup>1</sup> Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 15–16.

<sup>2</sup> См. Latour B., Woolgar, S. Laboratory life: The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.



## НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ЕРОФЕЕВА Мария Александровна / Maria EROFEEVA

## | Нарративный характер науки и легитимация научного знания |

скептически замечает: «Я бы не хотела исключать возможность того, что однажды Латур сможет убедить меня, что ничто не является фактом или фикцией само по себе, а таковыми их делает говорение; но пока я боюсь, что его демонстрация экстраординарных способностей языка оставляет желать лучшего»<sup>3</sup>.

Критика Амстердамски основана на том, что Латур переводит с ног на голову реалистическую позицию, утверждающую независимость знания от ученого. Если исследователи участвуют в конструировании научных фактов, то можем ли мы говорить об объективном характере знания? *Первый вопрос, следовательно, является вопросом об объективности.*

Понятно, что когда речь идет о проблемах знания, то в центре внимания оказывается язык, потому как он является тем кодом, через который знание накапливается и передается. Согласно Лиотару, по мере развития общества знание все более отчуждается от своих носителей, что связано с приоритетом письменной традиции над устной. С появлением новых средств хранения, обработки и передачи данных, прежде всего компьютеров и интернета, знание больше не нуждается в субъекте, поскольку его функции теперь могут выполнять машины.

Так может быть представлен обычный научный процесс. В лабораториях полно различных записывающих устройств (inscription devices)<sup>4</sup>, которые превращают элементы реальности в абстракции, графики, коэффициенты. Происходит замещение полноты природного мира двумерными описаниями. Можно написать H<sub>2</sub>O на бумаге, но не искупаешься. При этом утверждается, что получившиеся записи репрезентируют саму реальность. В итоге научные результаты становятся мобильными: они будут работать где угодно, если создать для них необходимые условия (лабораторные или близкие к ним). Научный факт представляет собой транспортабельную реальность слов и символов, а наука есть производство записей.

В этом утверждении, впрочем, нет ничего крамольного. Наука только так и может существовать, иначе обмен научными результатами был бы просто немислим. Здесь важно другое. В результате своей деятельности ученые получают знание. Когда мы говорим о факте или о знании, мы обычно имеем в виду некоторое объективное отношение к реальности. Если же представить научную деятельность как лингвистический процесс, знание предстает как последовательность «переводов»<sup>5</sup> мира на язык науки, который в силу каких-то обстоятельств кажется нам объективным. Остается спросить, почему мы так доверяем показаниям записывающих устройств? Какое право имеет носитель знания (языка) говорить о том, о чем он говорит, если он не связан ни со своими слушателями, ни с объектами своего рассказа? Это не вопрос об объективности в чистом

виде. *Это вопрос о легитимации знания, которое считается объективным.*

Указанная проблема лежит в центре исследования Лиотара. Несмотря на то, что он акцентирует внимание именно на проблемах научного знания, он разбирает эти проблемы в контексте других форм знания, потому что наука не охватывает все сферы человеческого опыта. Как иронически выразился французский мыслитель, «...знание — это то, о чем говорят в телевикторинах»<sup>6</sup>.

Рассказы (récits), или нарративы, являются одной из доминирующих в жизни людей форм знания, поскольку большая часть повседневного опыта передается в форме повествования. Это повествование может включать в себя различные классы высказываний, различные языковые игры. Термин «языковые игры» заимствован Лиотаром из философии Л. Витгенштейна, где под ним понимается процесс употребления слов в языке, регулируемый определенными правилами, а также те действия, с которыми сопряжено это словоупотребление. Согласно Витгенштейну, есть два типа высказываний: эмпирические, которые мы можем оценить как истинные/ложные, справедливые/несправедливые и т. п., и так называемые «грамматические», т. е. такие, которые делают существование первых возможным (метавысказывания). Грамматические высказывания сами по себе тавтологичны, они не открывают ничего нового в реальности, а служат примером того, как в данном обществе следует оперировать понятиями<sup>7</sup>. В разные исторические эпохи люди играют в различные языковые игры. Например, утверждение о том, что если мы дойдем до края Земли, мы упадем, кажется нам полным абсурдом, потому что в данную эпоху господствует языковая игра, предписывающая, что Земля имеет форму эллипса, и, следовательно, не имеет «краев» как таковых. Однако в период, когда Земля считалась плоской, существование этого высказывания было вполне законным. Таким образом, языковые игры определяют правомерность того или иного высказывания в настоящий момент времени.

Главная функция рассказов — интеграция посредством создания критериев компетенции и оценки результатов общества, выражающаяся в конструировании положительных и отрицательных моделей действия. В случае сказки, например, это будут архетипы положительных и отрицательных персонажей. Следовательно, рассказы легитимируют существование других форм знания, т. е. определяют, что может быть сказано и сделано в обществе и культуре. При этом, поскольку рассказы являются тканью общества, сами они не нуждаются в легитимации. «Рассказ есть полномочность как таковая», — говорит Лиотар<sup>8</sup>.

В отличие от нарративного знания, научное знание обладает совершенно другими характеристиками. Во-первых, не любое высказывание может стать научным: высказывания науки должны быть преимущественно денотативными, т. е. отвечать критерию истинности или ложности. Для Латура высказывание становится фактом, когда оно теряет модальности. Фраза «возможно, пушистые коты полезны для пищеварения» модальная,

<sup>3</sup> *Amsterdamska O. Surely You Are Joking, Monsieur Latour! // Science, Technology, & Human Values. 1990. Vol. 15. No. 4. P. 497.*

<sup>4</sup> См. Хархордин О. В. Латур: практики и сети // Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб: Изд-во Европейского университета в СПб, 2008. С. 245.

<sup>5</sup> М. Каллон считает, что в центре научного познания лежит процесс перевода. Его версия ANT получила название «социология трансляций». См. *Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay // Power, Action, and Belief: A New Sociology of Knowledge? / ed. by John Law. L.: Routledge, 1986. Pp. 196–223.*

<sup>6</sup> *Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. С. 21.*

<sup>7</sup> См. *Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 165–409.*

<sup>8</sup> *Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. С. 53.*



ЕРОФЕЕВА Мария Александровна / Maria EROFEEVA

| Нарративный характер науки и легитимация научного знания |

является предположением. Фраза «пушистые коты полезны для пищеварения» не модальная, является фактом. Тем самым область научного знания уже оказывается ограниченной некоторым правилом. Во-вторых, вследствие этой закрытости, наука остается изолированной (в том числе и институционально) от всех других языковых игр. Более того, поскольку всегда остается возможность опровержения научных высказываний, они нуждаются в каком-то фундаменте для своего существования (аргументах, доказательствах), т. е. в легитимации.

Научное знание часто прибегает к помощи рассказов, для того чтобы легитимировать себя. Типичный пример — организация научного изложения по модели нарратива. Латур, рассматривая статьи Пастера по кислотной ферментации, показывает, что действующим лицам приписываются роли сказочных героев. Дрожжи фигурируют в тексте в образе Золушки, сам ученый — в образе прекрасного принца, а антигероем выделена химическая теория Либиха. Посредством таких нехитрых приемов Пастеру удалось изменить статус ферментации, хотя содержание наблюдений осталось прежним<sup>9</sup>. Гомология структуры сказки и научной работы свидетельствует о том, что статья представляет собой процедуру убеждения. Результаты наблюдений можно интерпретировать по-разному. Чтобы определенная трактовка закрепилась, нужно победить в риторической игре.

Однако нарратив — это только средство, с помощью которого осуществляется легитимация научного знания. Само по себе использование риторики в научной речи ничего не говорит о руководящих принципах, согласно которым происходит процесс легитимации. Один из таких принципов, согласно Лиотару, вытекает из существования общества в форме игрового противоборства («агонистики»): развитие науки связано с созданием новых приемов в пределах языковой игры или изменением правил самой этой игры. Вместо того чтобы производить известное, современная наука производит неизвестное. Она развивается хаотично, сознательно приводя уже открытые «истины» к парадоксам<sup>10</sup>. В этом месте мы наталкиваемся на противоречие. С одной стороны, наука работает на убеждение, с другой — на разубеждение в достоверности своих положений.

В сущности, это противоречие скорее логического характера (верификация и фальсификация — две стороны одного процесса). Тем не менее, с помощью отсылки к легитимирующим принципам можно объяснить, почему риторический характер науки — ее неотъемлемое свойство. Легитимации только через «паралогию» оказывается недостаточно, потому что наука тесно связана с областями экономики, технологии, политики и управления. Для ее развития необходимы деньги, а для их получения нужно увеличить производительность социальных институтов, поэтому еще одним критерием существования научного знания является *перформативность*<sup>11</sup>. Она тормозит свободное развитие науки, поскольку научное сообщество как носитель власти не позволяет формировать высказывания, которые меняют правила господствующей языковой игры. Чтобы

это сделать, и необходимо убеждение. Таким образом, Латур в своей трактовке науки не искажает ее смысл, он показывает, как она встраивается в общество.

Вернемся в начало данного рассуждения и продемонстрируем на примере соотношения модальности высказываний и их фактичности, как это работает. Амстердамская критиковала Латура за то, что он релятивирует фактичность. «Высказывание становится фактом, потому что теряет модальности». «Высказывание теряет модальности, потому что является фактом». Эти фразы не противоречат друг другу. Если рассматривать научный факт как процесс перевода реальности на транспортабельный язык науки, то второе из них становится тавтологичным (перевод предполагает увеличение достоверности суждений), тогда как первое обретает иное звучание. В нем акцентирована потребность вынести научное знание за пределы лаборатории, чтобы оно могло стать частью общества, т. е. убеждение людей вне науки, их консенсус в отношении высказывания. «Никакой консенсус не может быть показателем истины, но предполагается, что истина высказывания не может не породить консенсус»<sup>12</sup> — вот о чем здесь идет речь. Если бы высказывание могло терять модальности по прихоти ученых (пусть даже коллективной), Амстердамская, вероятно, не назвала бы свою критическую статью «Вы, конечно, шутите, месье Латур!» (курсив — М. Е.).

В предшествующем изложении остался не проясненным механизм конструирования научного факта. Мобилизация ресурсов, считает Латур, — основа убедительности научных высказываний и формирования их фактичности. В обществе действуют не люди, а сети — конгломерат человеческого и нечеловеческого. Жизнеспособность сети зависит от жизнеспособности ее звеньев: не важно, сломается ли оборудование или эксперимент перестанет спонсироваться, в любом случае сеть перестанет быть действующей силой, по крайней мере на какое-то время.<sup>13</sup> На закрепление научного факта как элемента реальности может оказать решающее влияние любое действующее лицо, чье действие значимо для сети, а не только ученые. Поэтому неправильно будет утверждать, что исследователи становятся успешными, если *создают* устойчивые и протяженные сети. Ученые могут только *подключиться* к сети, но не создать ее.

Поскольку невозможно отделить человеческое от нечеловеческого в сети, действующих лиц Латур называет «актантами», буквально «вовлеченными в действие». Актантами могут быть люди, институты, идеи, животные и т. д. Нельзя приписать кому-то одному приоритет в создании научного знания. Конечно, оно основывается на вещной реальности. Пока не было технологической возможности, Леонардо да Винчи проектировал летательные аппараты, принцип действия которых опирался исключительно на энергию человеческого тела. Но истина не существует сама по себе — должен прийти ученый и сделать ее видимой. Не будь Пастера, не было бы и микробов.

В этом смысле для нормального функционирования объекта необходимо учитывать конвенции ученых. Соглашения не только представляют собой реифицированный мир науки,

<sup>9</sup> См. Latour B. Pasteur on Lactic Acid Yeast: A Partial Semiotic Analysis // Configurations. 1993. Vol. 1, no. 1. Pp. 129–145.

<sup>10</sup> Этот принцип получил название «паралогия». См. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 130–159.

<sup>11</sup> См. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 102–115.

<sup>12</sup> Там же. С. 64.

<sup>13</sup> См. Хархордин О. В. Указ. соч. С. 249.



## НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ЕРОФЕЕВА Мария Александровна / Maria EROFEEVA

## | Нарративный характер науки и легитимация научного знания |

но также позволяют транспортировать его в мир вещный. Если научный факт представляет собой «переведенную» реальность, то практический результат научного знания — функция продления сети в окружающую среду. Сеть распространяет взаимодействие в пространстве и времени с помощью материального опосредования. Это стоит усилий и времени. «Паровой мотор из Ньюкасла породил железную дорогу, но никто не ожидал, что паровозы будут ездить без рельсов»<sup>14</sup>. Формирование устойчивых связей требует огромных ресурсов. Научные факты (а также их практическая значимость) укоренены в материальном мире. *Второй вопрос, следовательно, является вопросом об онтологии.*

Когда Амстердамска сравнивает акторно-сетевую теорию с методологическим анархизмом на основании того, что любая трактовка имеет право на существование (*all deformations are fair*)<sup>15</sup>, она не учитывает тот же самый момент, на который указывает Лиотар. «После отделения церкви от государства Фейерабенд потребовал, в том же «светском» духе, отделения науки от государства. А как же с отделением Науки от Денег?»<sup>16</sup>, — вопрошает он. В действительности, критерий перформативности накладывает серьезные ограничения на возможности науки задавать вопросы. Теперь наука не просто исследует природу, человека и общество, она должна постоянно доказывать, что ее деятельность принесет полезный для общества результат. Государство и многочисленные фонды поддерживают только те исследования, которые признаются «актуальными», а значит, в рамках современной научной деятельности решаются только те проблемы, которые находятся на «повестке дня». Поставить исследовательский вопрос иначе, без отсылки к результативности, означает лишиться материальной поддержки, без которой невозможно провести качественное исследование.

Пастеру удалось мультиплицировать свою сеть с помощью указания на результативность имеющихся у него научных записей (делающих видимыми микробов). «Дайте нам лаборатории, и мы сделаем возможной мировую войну без инфекций, мы сделаем тропические страны доступными для колонизации, мы обеспечим здоровье французской армии, мы увеличим численность и силу населения, мы создадим новые индустрии»<sup>17</sup>. В результате мини-лаборатории по пастеризации появились на каждом заводе соответствующей направленности. Хотя цели для системы производства знания ставятся извне (перформативность), наука находит средства достигать собственных целей через нарративное представление своей эффективности. Оно может и не соответствовать действительности. Яровизация Т. Лысенко в СССР была неудачной попыткой оптимизации сельского хозяйства, но продолжала применяться в течение почти десятилетия.

Несмотря на то, что исследователи не стесняются пользоваться риторикой в процессе научной работы, нельзя сказать, что наука подобна политике. Точнее, можно, но не в классическом понимании политической деятельности. Коллега Латура по акторно-сетевой теории Дж. Ло суммирует взаимосвязи природного и социального в понятии «онтологическая полити-

ка»<sup>18</sup>. Ученые являются значимыми элементами сетей, которые впоследствии могут быть протянуты в общественную систему. Следовательно, они в какой-то степени определяют облик будущего общества. Это не волюнтаризм. Политика науки укоренена в онтологии мира. Во-первых, существует уже «собранная» реальность, которая обеспечивает материалы для ее «пересборки». Во-вторых, создание новой реальности требует затрат труда, как это было показано выше. Соответственно, задача социолога заключается не в том, чтобы показать, как общество определяет содержание научного знания (социологизм), а чтобы продемонстрировать, как «общество может быть скорректировано и реформировано через непосредственное содержание науки»<sup>19</sup>.

Подведем итоги. Действительно, в науке много риторического: знания могут быть представлены по-разному, и конкуренция альтернативных моделей объяснения побуждает ученых к использованию приемов убеждения. Но как ученые убедили самолет взлететь? Если рассматривать социологию Латура как разновидность конвенционализма, невозможно понять, по какой причине для нормального функционирования объекта необходимо учитывать конвенции сообщества. Тогда как целью акторно-сетевой теории как раз является установление соответствия между предметным содержанием научной деятельности и ведением переговоров в процессе ее осуществления.

В социологии Латура знание представлено как процесс конструирования научного факта. Он включает как непосредственное производство знания, так и его легитимацию. Если воспользоваться теоретическим ресурсом работы Лиотара и отделить эти «этапы» друг от друга (что невозможно сделать в теоретической логике Латура), можно увидеть, что лингвистическое конструирование знания скорее относится к легитимации. Само же знание «извлекается» из столкновения ученых с материальным миром. В замкнутом латуровском языке описания ответ на вопрос, может ли социология объяснить научное знание, будет положительный, потому что знание тождественно процессу его получения. Только объяснение в данном случае будет носить онтологический характер, т. е. дать объяснение — значит присоединить дополнительный элемент к действующей сети.

Это основной вывод. В процессе рассуждения мы осуществили два перехода. В первом мы оттолкнулись от критики социологии Латура и с целью разрешения обнаруженных противоречий обратились к философской концепции Лиотара. Это переход к объективности: ученые *участвуют* в конструировании научных фактов (было бы странно, если бы они были совсем не при чем), но никогда произвольно не детерминируют их. Второй переход (от Лиотара обратно к Латуре) направил нас к онтологии: практическая значимость научных открытий укоренена в материальном мире. Настало время осуществить последний переход. *Третий вопрос неизбежно становится вопросом об адекватности проделанной работы.*

<sup>14</sup> Там же. С. 257.<sup>15</sup> *Amsterdamska O.* Op. cit. P. 495.<sup>16</sup> *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. С. 154.<sup>17</sup> *Латур Б.* Указ. соч. С. 19.<sup>18</sup> «Политические» вопросы Лоу подробно разбирает в заключении своей работы «После метода». См. *Law J.* After Method: Mess in Social Science Research. Oxon, NY: Routledge, 2004. Pp. 143–156.<sup>19</sup> *Латур Б.* Указ. соч. С. 20.

## НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ЕРОФЕЕВА Мария Александровна / Maria EROFEEVA

## | Нарративный характер науки и легитимация научного знания |

Во-первых, более полный анализ проблематики научного знания требует рассмотрения концепции Латура в ее взаимосвязи с социологией научного знания в целом, в частности — с сильной программой. Эти исследовательские подходы часто отождествляются под ярлыком «социального конструктивизма», хотя они являются фундаментально различными. Д. Блору пришлось отречься от такой «латуризации» сильной программы<sup>20</sup>. Только на основании такого расширительного рассмотрения можно адекватно оценить взгляды Латура по отношению к сущности научного знания.

Во-вторых, можно сомневаться в правомерности сравнения языков описания Латура и Лиотара. Изменение статуса знания в современных обществах является ключевой идеей «Состо-

<sup>20</sup> Например, в статье под провокационным марксистским названием. См. *Bloor D. Anti-Latour // Stud. Hist. Phil. Sci.* 1999. Vol. 30, No. 1. P. 81–112.

яния постмодерна». Согласно Лиотару, люди больше не доверяют всеобщим принципам, на которые в эпоху модерна ссылалось знание, и возникает огромное число противоречащих друг другу положений, которые дают развитие новому знанию. Однако если мы никогда не были современными, то мы и постсовременными скорее всего не стали<sup>21</sup>.

Так или иначе, допущенные ошибки сами по себе не снижают ценности поставленной проблемы, которая будет ждать своего решения с помощью других теоретических ресурсов.

<sup>21</sup> Имеется в виду работа Латура «Мы никогда не были современными». Русский перевод: *Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб: Изд-во Европейского университета в СПб, 2006. Соотношение современного / постсовременного и несовременного (nonmodern) рассматривается в статье: *Freed M. Latour, Lyotard, and The Problematics of Legitimation // Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*. 2005. Vol. 10, № 3. P. 99–114.

